Сартаков Егор Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: esartak@mail.ru

СМЕРТЬ ГОГОЛЯ И СЕРБСКАЯ ПРЕССА

В статье представлены результаты исследования некрологов Гоголю, напечатанных в 1852 г. в сербской прессе. «Сербская газета» после смерти русского писателя лаконично сообщила о его кончине, а через три месяца в нескольких номерах был опубликован подробный некролог, из которого сербские читатели узнали много нового как о жизни, так и о творчестве Гоголя. В этом некрологе не просто запечатлен как образ большого славянского писателя, но и поставлен вопрос о мировом признании Гоголя и – шире – русской классической литературы. Именно так был запущен процесс увековечивания образа Гоголя с последующей культурной его канонизацией. В этом смысле некролог Гоголю в Сербии можно считать отправной точкой вхождения русского писателя в национальный литературный канон.

***Ключевые слова**: Гоголь, сербская литература, некролог, русско-сербские культурные связи.*

Egor V. Sartakov, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of History of Russian Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: esartak@mail.ru

GOGOL'S DEATH AND THE SERBIAN PRESS

The article deals with the obituaries for Gogol, published in 1852 in the Serbian press. After the death of the writer, Srpske Novine (Serbian Newspaper) promptly reported in a short message about his death, and three months later a detailed obituary for the writer was published in several issues, from which Serbian readers learned a lot about both the life and work of Gogol. This obituary not only fixed a certain image of the great Slavic writer in the memory of contemporaries, but also raised the question of the world recognition of Gogol and, more broadly, of Russian classical literature. It was in this way that the process of perpetuating, building up symbolic capital (P. Bourdieu) and the subsequent cultural canonization of Gogol was launched. In this sense, Gogol's obituary in Serbia can be considered the starting point for the entry of the Russian writer into the national literary canon.

***Key words**: Gogol, Serbian literature, obituary, Russian-Serbian cultural relations.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.84103

Некролог как жанр

Жанр некролога в последнее время находится в фокусе исследовательского внимания как историков литературы, так и историков журналистики. Ученые изучают общие особенности жанра (Рейтблат, 2014) и конкретные тексты, посвященные памяти того или иного писателя (Кузовкина, 2004; Прохорова, 2015; Надточий, 2021 и др.). Суммируя уже отмеченные черты жанра, подчеркнем важнейшую его особенность: некролог не просто сообщает случайные, не связанные друг с другом факты, объединенные лишь фигурой субъекта, но становится совокупностью социально полезных дел умершего, характеристикой его вклада в развитие общества: «Мы говорим, что мертвый “продолжает жить” в памяти потомства, как если бы речь шла о естественном продолжении самодеятельного существования. Но на самом деле речь идет об акте оживления, которым мертвый обязан волевому решению группы не допустить его исчезновения, сохранить его силой воспоминания как члена общности, взять его с собой в шагающее дальше настоящее» (Ассман, 2004: 34).

Поэтому совершенно закономерно, что в европейской литературе некрологи писателям появляются с конца XVIII в. во многом под влиянием сентиментальной эстетики, а в России даже прямо – творчества Н. М. Карамзина. Дело в том, что сентименталисты акцентировали идею независимости «достоинства» человека от его служебных успехов и деловых качеств (Кочеткова, 1994: 61). Руссоистская идея, лежавшая в основе сентиментализма, по-новому интерпретировала соотношение идеального и реального: «Две этих сферы начинают сближаться, и критерий естественности приобретает первостепенное значение» (Надточий, 2021: 43).

Именно в этот период романтики развивают идеи поэта-пророка, писателя как социально полезной единицы и особого предназначения искусства. К некрологам государственным деятелям, военачальникам и членам императорской семьи, чьи заслуги перед обществом были очевидны, начали добавляться статьи об умерших писателях и поэтах.

Получается, что жанр некролога, поскольку он является характеристикой социальной полезности человека, позволяет многое рассказать не только о человеке, но и о конкретном обществе, для которого был написан. Иными словами, анализ некрологов позволит выделить, что для общества в данный момент считается полез-

ным (об этом и будет сказано), а что – вредным (в соответствии с традицией *de mortuis aut bene aut nihil* это в тексте будет опущено). Совершенно права Т. Д. Кузовкина: «Любой некролог, сообщая о смерти того или иного лица, обязательно называет место в социальной структуре общества, которое он занимал. Оценка заслуг и личных качеств умершего, демонстрируя ценностные ориентиры автора некролога, одновременно показывает, каковы приоритеты общества в целом» (2004: 276).

Смерть Н. В. Гоголя 21 февраля 1852 г. в Москве вызвала целую серию некрологов в русской печати, наиболее содержательный из которых принадлежал перу М. П. Погодина и был опубликован в «Москвитянине», а наиболее скандальный – перу И. С. Тургенева в газете «Московские ведомости». Однако в данном случае нас интересуют некрологи Гоголю в сербской печати.

Выбор объекта исследования определен не только нашими личными интересами и необходимостью восполнить исследовательскую лакуну (что особенно актуально в условиях публикации в ИМЛИ РАН Академического полного собрания сочинений и писем Гоголя), но и предположением, что именно в славянских странах произведения Гоголя узнали раньше других[1], а следовательно, некрологи о русском писателе будут весьма содержательными. Они, с одной стороны, покажут, что из жизни и творчества Гоголя было востребовано в Сербии в середине XIX в., а с другой – определят каналы мирового признания творчества Гоголя и – шире – русской классической литературы.

Первый некролог Гоголю в Сербии

К 1852 г. сербские читатели уже были знакомы не только с именем Гоголя, но и с некоторыми его произведениями. Первое упоминание о Гоголе в сербской печати мы обнаружили в 1838 г., а первый перевод на сербский язык вышел в 1849 г., когда была опубликована «Сорочинская ярмарка» в переводе Тимотие Илича в газете «Новине србске» («Сербская газета»). Через год в переводе Илича там же появилась «Страшная месть».

Вполне закономерно, что именно этот печатный орган оперативно опубликовал первый некролог памяти Гоголя в Сербии. 18 марта, то есть через 13 дней после смерти писателя (по новому стилю тот скончался 5 марта), газета сообщала читателям, что в Москве скончался «великий муж» и «знаменитый русский писа-

тель» Гоголь, известный сербским читателям «как автор “Мертвых душ”»[2]. Краткое сообщение заканчивалось уверением, что в этом же году газета планирует в качестве приложения издать поэму Гоголя. К сожалению, обещание осталось невыполненным то ли из-за невозможности достать в Сербии русский текст «Мертвых душ», то ли (что более вероятно) из-за невозможности найти переводчика, но только через семь лет, в 1859 г., в газете напечатали отрывок «Скупой» – анонимный перевод небольшого фрагмента шестой («плюшкинской») главы поэмы Гоголя[3]. Витомир Вулетич (Вулетић, 1976: 33) справедливо указал, что сербским читателям был предложен перевод именно шестой главы, потому что, с одной стороны, образ Плюшкина напоминал читателям героя комедии известного сербского комедиографа Стерии Поповича «Скупой», а с другой – привлекал своей художественной исключительностью[4].

Необходимость оперативно сообщить о смерти Гоголя, по-видимому, не позволила редактору «Сербской газеты» Милошу Поповичу подробно раскрыть роль писателя в русской литературе, надо было найти критика, достаточно разбиравшегося в предмете, знакомого с произведениями Гоголя, чтобы осветить его путь для сербского читателя. Либо можно было повременить, дождаться, чтобы в изданиях других стран (австрийских, немецких и т. д.) появились подробные некрологи, а потом, скомпилировав их, напечатать в своей газете.

«Сербская газета» о жизни и смерти Гоголя

Через три месяца в двух номерах «Сербской газеты» за 5 и 10 июня был опубликован анонимный некролог Гоголю, который можно считать наиболее подробным текстом о писателе в сербской журналистике. Весь газетный подвал этих номеров был отведен некрологу, в котором впервые в Сербии звучит полное имя «Николая Васильевича Гоголя»[5].

Некролог начинался общими размышлениями о том, что «Россия праздновала не меньше славных побед на литературных полях, чем на полях политики», однако у страны «несчастная судьба», ведь «она потеряла своих величайших героев искусства в расцвете лет самым трагическим образом»[6].

Далее автор перешел к рассмотрению биографии умершего писателя, многие факты которой сербские читатели узнали впервые. Так, он верно назвал Полтавщину малой родиной Гоголя и в целом

правильно охарактеризовал «патриархальную» атмосферу дома Гоголей-Яновских: «Он (Гоголь. – *Е.С.*) <...> в первых своих произведениях отразил впечатления, исходившие из родной земли, которые, сохраняя ограниченные рамки деревни, давали глубокую характеристику времени и людей»[7]. Для Сербии, которая еще не существовала как единое государство, а была разделена между Австро-Венгрией (Воеводина) и Османской империей, идея о «впечатлениях, исходивших из родной земли», чрезвычайно важна. Часть страны, включая Белград, официально находилась под протекторатом Османской империи, другая часть управлялась австрийской династией Габсбургов. Как раз в этот период наметилось движение за независимость югославян, окончательно установившуюся после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. благодаря России. Поэтому мотивы почвы, рода, земли, соплеменников и другие этого же семантического поля чрезвычайно важны для сербов периода их национального возрождения. Добавим к этому и распространенное в этот период на Балканах романтическое направление в литературе, для которого в принципе характерна «идея почвы». Не случайно в некрологической заметке указано, что впечатления «из родной земли» Гоголь «воплотил в первых своих произведениях», что позволило ему дать «глубокую характеристику времени и людей».

После упоминания повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» (отдельно выделена еще не переведенная тогда на сербский язык «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») публицист перешел к подробному разбору комедии «Ревизор».

Комедия «Ревизор» и первый том поэмы «Мертвые души» в оценке «Сербской газеты»

Важно отметить, что комедия еще не была переведена на сербский язык, более того, мы даже не смогли найти ни одного более раннего ее упоминания в прессе. Здесь же «Ревизор» не только был назван, но и подробнейшим образом охарактеризован: «<...>некий легкомысленный молодой человек, путешествуя из столицы в родной город, должен, не имея при этом средств, расплатиться с гостиницей, а раздраженные чиновники приходят к мысли, что этот путешественник не кто иной, как ревизор, желающий сохранить инкогнито. Молодой ветреник, чувствуя это,

согласился с идеей чиновников». Это привело к «множеству комических событий», в которых «всесторонне представлена русская бюрократия со всеми ее слабостями и пороками»[8].

Получается, что в сербской газете не просто описана фабула «Ревизора», но и верно отмечена идея мнимого ревизора и отсутствия при этом традиционного драматического конфликта, ведь «молодой ветреник» лишь сыграл навязанную ему чиновниками роль, не являясь сознательным лгуном. В этом смысле анонимный критик точно назвал Гоголя новатором, до которого никто в России не организовывал пьесы подобным образом. Отметил критик и демократизацию как черту творчества автора «Ревизора», потому что тот перенес пьесу в провинциальный город, «расширяя салонную литературу», делая предметом своих произведений не только «светскую жизнь и высшие круги общества»[9].

И вновь перед нами, пусть и одностороннее (сугубо социальное), но актуальное для Сербии середины XIX в. толкование пьесы Гоголя. Дело в том, что проблема взяточничества и бюрократии, усиленная антитурецкими и антиавстрийскими настроениями, остро стояла в это время перед сербами. Обычно все высшие государственные должности были заняты ставленниками Габсбургов (в австрийской Воеводине) или назначались из Константинополя (для той части Сербии, которая находилась под протекторатом Турции). Проблемы, артикулированные Гоголем в «Ревизоре»: многолетняя волокита, взяточничество, перлюстрация частной корреспонденции, низкий уровень образования, – были актуальны в общественной повестке Сербии этого периода.

Конечно, подобное истолкование пьесы, пусть и в несколько одностороннем, социальном ключе, расходилось с позднейшими интерпретациями самого Гоголя, который в «Театральном разъезде» и особенно в «Развязке Ревизора» как окончательном звене процесса символизации комедии не связывал морального воздействия своей комедии исключительно с искоренением взяточничества. Тем не менее именно социальный аспект комедии прозвучал как в некрологе «Сербской газеты», так и при первой постановке «Ревизора» в Сербии, которая состоялась в 1870 г. на сцене Национального театра Белграда и стала вообще первой иностранной пьесой, поставленной в этом театре сразу же в год его открытия (Сартаков, 2017).

После анализа «Ревизора» публицист не обошел вниманием и центральное произведение Гоголя, название которого уже встреча-

лось на страницах сербских журналов, – поэму «Мертвые души»: «Гоголь <...> начал с деревенской повести, от нее перешел к профессии драматурга. Закончил эпосом <...>»[10]. «Похождения Чичакова (так! – *Е.С.*), или Мертвые души» позволили публицисту сравнить Гоголя с Гомером, а главного героя «Чичакова» назвать «славянским Одиссеем»[11].

Такое сравнение, чрезвычайно лестное для Гоголя, считавшего «Илиаду» и «Одиссею» «глубоким и великим совершенством»[12], позволяет предположить, что автор статьи был знаком (быть может, опосредованно – через немецкие или чешские источники) с брошюрой К. С. Аксакова о «Мертвых душах». Тот видел в поэме Гоголя воскрешение древнего эпоса, в частности гомеровского: «<...> явления идут одни за другими, спокойно сменяя друг друга, объемлемые великим эпическим созерцанием, открывающим целый мир, стройно предстающий со своим внутренним содержанием и единством, со своею тайною жизни <...> и опять, только у Гомера можно найти такое творчество»[13].

И не случайно в сербском некрологе Гоголю без указания имен рассказывалось о полемике, разразившейся в русской печати после этого выступления Аксакова: «Одна литературная партия, обожавшая произведение Гоголя, провозгласила его главнейшим поэтом прошлого и современности, но в то же время сторонники классической школы не разделяли этих настроений, противопоставляя гомеровские описания литературе сегодняшнего времени»[14].

Под «сторонниками классической школы» сербский критик мог иметь в виду многочисленных русских журналистов-пуристов, упрекавших Гоголя в «грязных темах» и «грязных словах», тогда сербское «пріятельи класичне школе» следует переводить как «сторонники классического наследия». И действительно, критики круга «Северной пчелы», «Сына Отечества» и «Библиотеки для чтения» постоянно потешались над сравнением Гоголя и Гомера. Так, К. П. Масальский в булгаринском «Сыне Отечества» отозвался на параллель между Гоголем и Гомером с откровенным ерничеством: «Правда, что между Гомером и Гоголем есть сходство: обе эти фамилии начинаются, как видите, с Го...»[15]. Эта статья вышла еще до брошюры Аксакова (цензурное разрешение статьи – 31 мая; цензурное разрешение брошюры – 7 июля), поэтому может считаться вообще первым сравнением Гоголя и Гомера, которое, по всей видимости, уже ходило в устной форме в читательских кругах.

Еще жестче, даже издевательски об этой параллели высказался О. И. Сенковский в редактируемой им «Библиотеке для чтения», августовский номер которой вышел уже после брошюры К. С. Аксакова: «Какое поэтическое сравнение!.. – да как развито!.. <...> все знаменитые сравнения у Гомера, Вергилия, Тассо, Ариосто, Мильтона, под этим великолепным сравнением – говоря твоим (гоголевским. – *Е.С.*) изящным языком – *свинтусы, подлецы!* (курсив в оригинале. – *Е.С.*)»[16]. Причем в ранней версии статьи Сенковского, хранящейся в отделе рукописей РНБ и опубликованной в 1936 г. Н. И. Мордовченко, еще более откровенны нападки Сенковского на К. С. Аксакова за его сравнение Гоголя с Гомером. В первоначальной редакции рецензия была написана в виде «притчи», которая развертывалась как разговор «скотов» – быка, осла и верблюда – о книге Гоголя. Быку Силычу, который читает «Мертвые души», были явно приданы черты самого Гоголя. В Осле Разумниковиче, восторженном апологете «Мертвых душ», нетрудно узнать К. С. Аксакова: «Браво, Силич! воскликнул осел в восторге: браво!.. да это настоящая эпопея <...> Гомер, Виргилий, Тассо, Ариосто, Мильтон перед тобой просто ослы!...»[17].

Поток издевательств по отношению к К. С. Аксакову Сенковский не прекращал и в следующих номерах своего журнала. Через четыре года, 26 октября 1846 г., И. С. Аксаков писал отцу: «Читали ли вы или видали ли октябрьскую книжку “Библиотеки для чтения”. Вообразите, там по поводу разбора какой-то книжонки Сенковский объявляет публике, что Гоголь болен, вдался в *мистицизм* (здесь и далее курсив в оригинале. – *Е.С.*), не хочет продолжать “Мертвых душ” и так самолюбиво замечтался, что всех учит, дает наставления. Всё это сказано с ругательствами и насмешками. Он не называет его Гоголем, но *Гомером, написавшим „Мертвые души“*. Название *Гомер* повторил он раз двадцать на одной страничке. Какой мерзавец!»[18].

Менее вероятно, что сербский критик мог иметь в виду под «сторонниками классической школы» русских журналистов из круга «литературных аристократов» типа С. П. Шевырева, который парадоксально в вопросе неприятия брошюры Аксакова сошелся и с Сенковским, и с В. Г. Белинским. И тогда сербское «пріятельи класичне школе» следует переводить как «сторонники нормативной школы» (при всей спорности этого понятия по отношению к Шевыреву). Критик резко выступил против брошюры Аксакова и раздраженно писал М. П. Погодину: «Всеобщий хохот

читавших брошюру Константина Аксакова, даже и его стороны, был ему возмездием за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в “Отечественных Записках” сказал ему дело»[19]. К слову, Погодин тоже был настроен против статьи Аксакова и поэтому отверг ее к публикации в редактируемом им журнале «Москвитянин»[20].

И уж совсем невероятно, что в сербской газете под «сторонником классической школы» имелся в виду Белинский, печатно осудивший брошюру К. С. Аксакова за сравнение Гоголя с Гомером, однако едва ли подпадающий под понятие «классической школы»[21].

Остается только добавить, что сам Гоголь также был не совсем доволен брошюрой Аксакова (« <...> Погодин был отчасти прав, не поместив ее»[22]), ведь, по мысли Аксакова, Гоголь и Гомер противостояли всем мировым писателям, вообще всему ходу движения мировой литературы. Напротив, автор «Мертвых душ», по крайней мере в этот период, испытывал ощущение преемственности по отношению к Филдингу, Вальтеру Скотту, Пушкину и другим (Виноградская, Гуревич, Дмитриева, Зайцева и др., 2012: 599).

По-видимому, важно не у кого конкретно сербский критик заимствовал сравнение Гоголя и Гомера, а что до читателей в Сербии дошло это сравнение и тем самым был поставлен вопрос о мировом значении творчества русского писателя.

Далее в сербской газете было дано объяснение фабулы «Мертвых душ»: «Мы видим <...> в лице Чичакова, в частности, такого человека, который не просто совершает вопиющее преступление, но под видом честности позорит и злоупотребляет законом и правом и при этом предстает перед миром как человек умный, образованный и добрый»[23]. Причем в газете специально для сербского читателя была разобрана многозначность русского понятия «мертвая душа» (в значении «мертвые мужики» и в христианском смысле), которое сделало заглавие поэмы полисемантичным.

Заканчивается разбор «Мертвых душ» сообщением о популярности этого произведения у читателей: «Скажу, что профессор Погодин, издавший на собственные средства “Мертвые души”, получил прибыли 6 000 рублей серебром, что для России является огромной суммой, ведь читающих людей в стране не так много»[24]. Это замечание содержало ряд неточностей. Во-первых, поэма

издавалась не на деньги «профессора Погодина», а на средства автора, который писал своему приятелю Н. Я. Прокоповичу 12 (24) сентября 1843 г. из Дюссельдорфа: «Напечатание тома “Мертвых душ” мне стоило 2 тысячи»[25]. Соответственно, и прибыль получал Гоголь. По своему обыкновению, уезжая в 1842 г. из России в Италию, Гоголь поручил заниматься всеми издательскими, в том числе финансовыми, вопросами Шевыреву в Москве и Прокоповичу в Петербурге. Те чрезвычайно аккуратно вели учет проданных книг (первый тираж составил 2 400 экземпляров) и отчитались за каждый рубль. По этому отчету, составленному Шевыревым для Гоголя, общая прибыль за первое издание составила 15 583 рубля 50 копеек[26]. Правда, в этом же письме Шевырев аккуратно посчитал все долги Гоголя (себе, Погодину, Хомякову, Аксаковым и др.) и вышло, что после уплаты долгов Гоголю за первое издание досталось 14 рублей 97 копеек[27]. Так что просьба Гоголя Прокоповичу из Рима 5 (17) апреля 1843 г.: «Мне хотелось, чтобы скорей как можно выплатилась хотя половина моих долгов из продажи М<ертвых> д<уш> и чтобы не брать оттуда для себя ни копейки до того времени»[28], – была выполнена почти буквально.

Трудно сказать, откуда в сербской газете появилась информация об издателе Погодине и сумме в 6 000 рублей, тем не менее сама мысль о невероятной популярности поэмы Гоголя у читателей была совершенно справедлива. Книгу начали продавать летом 1842 г. в Москве и Петербурге, и Гоголь боялся, что в «мертвый сезон», когда жители обеих столиц разъезжаются по дачам, продажи просто не пойдут. «Подумай только, что размен мыслей, новостей и впечатлений у нас производится только зимою. Зимой всё соединяется в общества, в города; всё расходится быстро, всё узнается всеми до последней мелкой сплетни. Летом всё гаснет и дремлет; сообщенья людей исчезают: один на Кавказе, другой за границей, третий зарылся в деревенское захолустье. Слухи движутся лениво, новости и вести едва доносятся; шум и крики, способствующие огласке, умолкают все. Сообщенья нет: все разъед<ин>ено»[29], – сообщал обеспокоенный Гоголь Прокоповичу 30 марта 1842 г.

Опасения автора оказались напрасными. Анонимный рецензент «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции» 16 июня 1842 г. сообщал: «Несмотря, как говорится, на глухую пору в книжной торговле, сочинения Гоголя покупают нарасхват. Книгопродавцы, как ни были велики их ожидания, не могут надивиться,

однако ж, быстроте, с какой расходятся “Похождения Чичикова”»[30]. В начале июля 1842 г. об этом же уехавшему за границу Гоголю писал С. Т. Аксаков: «Несмотря на лето, “Мертвые души” расходятся очень живо и в Москве, и в Петербурге»[31]. А к концу лета относилось свидетельство по этому поводу Белинского, высказанное в сентябрьском томе «Отечественных записок» (цензурное разрешение 31 августа): «“Мертвых душ” скоро нельзя будет достать ни в одной книжной лавке, несмотря на то что они печатались в большом числе экземпляров...»[32]. Ажиотаж был таким сильным, что по Петербургу ходил слух, будто петербургский типограф Жернаков, «каналья» по определению Шевырева, без ведома автора напечатал дополнительные экземпляры и «продает от себя»[33].

«Сербская газета» о втором томе поэмы «Мертвые души» и «Выбранных местах из переписки с друзьями»

Коснулся анонимный сербский критик и судьбы второго тома поэмы Гоголя: «Второй том “Мертвых душ” долго не издавался, однако все ждали его с нетерпением. Писатель в это время жил в Риме, и говорят, что он там дописал и отправил вторую часть в Петербург на печать, однако рукопись не прошла цензуру. Это стало причиной печального настроения автора или, что более вероятно, в Италии его дух принял иное направление, которое вступило в противоречие с его более ранними произведениями. Гоголь стал тяготеть к религии, совершил путешествие ко Гробу Господнему и стал полемизировать с другими русскими литераторами о путях вечного спасения. Он обнародовал некую целую исповедь о вере, в которой отказался от всего своего предыдущего творчества и в которой за печальными, фаталистическими высказываниями никак было не узнать веселого и язвительного писателя “идиллических повестей” и “Ревизора” или истинного гениального поэта “Мертвых душ”»[34].

Первая часть этого пассажа вообще не выдерживала никакой критики: будто бы Гоголь из Рима отправил рукопись второго тома «Мертвых душ» в Петербург, но тот не прошел цензуру. Между тем вторая часть более интересная. Очевидно, что под «целой исповедью о вере» подразумевалась публицистическая книга «Выбранные места из переписки с друзьями», опубликованная в 1847 г. Сербский критик верно указал, что эта книга явилась своеобразным продолжением первого тома «Мертвых душ» и должна была

не просто объяснить отсутствие второго тома, но стать неким комментарием к нему (Манн, 2004: 719–720). Не случайно в письмах 1845–1847 гг., времени работы над «Выбранными местами...» и вторым томом, Гоголь, по-видимому, вполне сознательно называл свое произведение «трудом», не позволяя распознать, о чем шла речь: о «Выбранных местах...» или о втором томе. Например, 12 (24) февраля 1845 г. из Парижа А. О. Смирновой он писал: «Молитесь, чтобы помог Бог мне в труде, уже не для славы и не для чего-либо другого предпринятого, но в его святое имя и в утешенье душевное брату, а не в увеселение его»[35]. А матери 13 (25) января 1847 г. из Неаполя сообщал о «сочинении», без которого ему «нельзя ехать в Иерусалим»[36]. Симптоматично, что в старом Академическом собрании сочинений Гоголя комментаторы посчитали, что речь в последнем письме шла о «Выбранных местах...» (Михайлова, 1937–1952: 488), – Ю. В. Манн (1987: 221) предположил, что речь все же о втором томе поэмы. Комментаторы нового Академического собрания сочинений дипломатично оставили этот вопрос неразрешенным, справедливо акцентировав невозможность его однозначного решения (Виноградская, Дмитриева, Зайцева, Манн и др., 2020: 464). Все это доказывает, что «Выбранные места...» и второй том поэмы при всей разности жанровых и стилевых решений – это «единая книга творений Гоголя» (Гончаров, 1997: 222). «Выбранные места...» – произведение, которое выполняет «одновременно функцию пропедевтики и герменевтики второго тома» (Виноградская, Дмитриева, Зайцева, Манн и др., 2020: 470).

«Спор с другими русскими литераторами», о котором было написало в сербском некрологе, тоже может быть идентифицирован: это, конечно, общественная полемика, разразившаяся в русской прессе после выхода «Выбранных мест...». Уже февральский номер (1847 г.) петербургского журнала «Финский вестник» сообщал читателям: «Ни одна книга, в последнее время, не возбуждала такого шумного движения в литературе и обществе, ни одна не послужила поводом к столь многочисленным и разнообразным толкам <...>»[37]. А по свидетельству Шевырева, в течение двух месяцев по выходе книги «она составляла любимый, живой предмет всеобщих разговоров. В Москве не было вечерней беседы, разумеется, в тех кругах, куда проникают мысль и литература, где бы не толковали об ней, не раздавались бы жаркие споры, не читали бы из нее отрывки»[38]. В этой связи симптоматично и высказывание Белинского,

встретившего книгу негативно и писавшего через полгода после выхода, что книга Гоголя «теперь памятнее всеми статьями о ней, нежели сама собою»[39].

Одним из первых весьма критично на книгу откликнулся Белинский, опубликовавший в февральском номере «Современника» за 1847 г. статью, в которой, однако, не мог высказать всех своих мыслей о «гнусной книге Гоголя» в связи с требованиями редактора журнала А. В. Никитенко, опасавшегося цензуры[40]. После печатной рецензии на «Выбранные места...» Белинский послал Гоголю письмо 15 июля 1847 г. из Зальцбрунна, в котором обвинил его в измене своим предыдущим убеждениям: «И в это время великий писатель, который своими дивно-художественными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на самое себя как будто в зеркале, – является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их **“неумытыми рылами”**!..»[41]. «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов»[42], – этот приговор Белинского Гоголю эхом долетел и до Сербии.

И вслед за Белинским сербский критик поддержал концепцию «двух Гоголей» – гениального писателя, создавшего «идиллические повести», «Ревизор» и «Мертвые души», и религиозного фанатика, отказавшегося в конце жизни от всего ранее им написанного. Такое тенденциозное восприятие творчества Гоголя после 1852 г. закрепилось в Сербии более чем на полвека. Например, один из сербских критиков в 1905 г. писал, что Гоголь именно благодаря своему «Ревизору», оказался на почетном месте «в обществе рассудительных социалистов»[43]. А после Октября 1917 г. в одной статье в журнале социалистической рабочей партии Югославии упоминалось, что «Ревизор» входит в число «тех значительных произведений русской литературы, которые готовили почву для Октябрьской революции»[44].

Выводы

Нам удалось установить, что сербские читатели в 1852 г. не просто узнали о факте смерти Гоголя, но расширили свои представления о его биографии, в которой акцентировалась мысль о связи «почвы» и таланта писателя. Эта идея, справедливая сама по

себе, была чрезвычайно важна для сербов в 1850-е гг. – в период национального возрождения югославян.

Вместе с тем узнали сербские читатели и о главных произведениях Гоголя – «Ревизоре» и «Мертвых душах». Причем эти сочинения оказались вписанными в актуальную социальную повестку Сербии середины XIX в., ведь в произведениях русского писателя сербский журналист акцентировал именно социальные аспекты. Именно эти свойства русской жизни из произведений Гоголя оказались востребованными сербским социумом середины XIX в. Напротив, поздние произведения Гоголя, прежде всего «Выбранные места из переписки с друзьями», были оценены негативно. По-прежнему стоит вопрос реминисцентного фона для некрологов Гоголю в сербской печати. Бесспорно, это должно стать предметом отдельного анализа.

В целом же подробные некрологи Гоголю в югославянской прессе должны были не только познакомить читателей с жизнью и творчеством писателя, но и зафиксировать в памяти современников образ большого славянского писателя. Именно так запустился в действие процесс увековечивания, наращивания символического капитала (П. Бурдье) и последующей культурной канонизации Гоголя. В этом смысле некрологи Гоголю в Сербии можно считать отправной точкой вхождения русского писателя в национальный югославянский литературный канон.

Примечания

[1] Так, в библиографии переводов произведений Гоголя на иностранные языки, составленной в 1953 г., крайне неполной в части славянских переводов, зафиксировано, что первыми стали переводы на чешский язык повести «Тарас Бульба» (1839 г.), польский язык «Записок сумасшедшего» (1843 г.) и «Мертвых душ» (1844 г.). Первый французский перевод зафиксирован только в 1845 г. (Морщинер М. С., Пожарский Н. И. Библиография переводов на иностранные языки произведений Н. В. Гоголя. М.: [б.и.], 1953. Приложение 1).

[2] *Anon.* Гоголь // Новине србске. 1852. № 33. С. 118.

[3] *Anon.* Тврдица // Новине србске. 1859. № 22–24. С. 101, 105, 109.

[4] Именно этот перевод 1859 г., очевидно, имел в виду В. Н. Кораблев (1902: 384), когда писал о «сделанном лет 30 тому назад» «совершенно неудовлетворительном» первом переводе «Мертвых душ» на сербский язык. Комментаторы нового Академического полного собрания сочинений Гоголя (Виноградская, Гуревич, Дмитриева, Зайцева и др., 2012: 696), ссылаясь на эту статью Кораблева, без дополнительных разысканий назвали это первым переводом поэмы «Мертвые души» на сербский язык (правда, неуверенно – «по-видимому»), выполненным

«в начале 1870-х годов и печатавшимся в сербских газетах». В действительности перевод был опубликован в «Сербской газете» в 1859 г.

[5] *Anon.* Никола Василевићъ Гоголь // Новине србске. 1852. № 63. С. 233.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 234.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. III. С. 111.

[13] *Аксаков К. С.* Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 144. В гоголеведении довольно подробно проанализирована связь Гоголя и Гомера (Радциг, 1959; Гуминский, 2016; Шульц, 2017 и др.).

[14] *Anon.* Никола Василевићъ Гоголь // Новине србске. 1852. № 63. С. 234.

[15] *[Масальский К. П.]* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя... // Сын Отечества. 1842. Ч. III. № 6. С. 2.

[16] *[Сенковский О. И.]* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя... // Библиотека для чтения. 1842. Т. LIII. № 8. С. 29.

[17] *Сенковский О. И.* <Рукописная редакция статьи о «Мертвых душах»> / Прим. *Н. Мордовченко* // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. С. 233.

[18] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. С. 326.

[19] Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. Кн. 6. С. 298.

[20] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. Кн. 6. С. 297.

[21] Полемика К. С. Аксакова и Белинского детально изучена исследователями. См.: (Манн, 1987: 149–165; Анненкова, 1976; Кошелев, 1976 и др.).

[22] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 93. Правда, как верно указали в комментариях к собранию сочинений и писем Гоголя И. А. Виноградов и В. А. Воропаев (2009: 612), этот отзыв Гоголь написал еще до знакомства с самой брошюрой. После же знакомства с текстом К. С. Аксакова Гоголь 18 марта 1843 г. писал его отцу: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем» (Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 150).

[23] *Anon.* Никола Василевићъ Гоголь // Новине србске. 1852. № 63. С. 234.

[24] Там же.

[25] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 217.

[26] *[Шевырев С. П.]* Письма к Н. В. Гоголю // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1893. Приложения. С. 12.

[27] Там же.

[28] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 162.

[29] Там же. С. 50.

[30] *Anon.* Литературное обозрение // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1842. № 48. С. 203.

[31] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 91.

[32] *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 6. С. 348.

[33] *[Шевырев С. П.]* Письма к Н. В. Гоголю // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1893. Приложения. С. 7.

[34] *Anon.* Никола Василевићъ Гоголь // Новине србске. 1852. № 63. С. 235.

[35] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 459.

[36] Там же. Т. XIII. С. 195.

[37] *Anon.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Финский вестник. 1847. № 2. С. 33.

[38] *Шевырев С. П.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. С. 4.

[39] *Белинский В. Г.* <Письмо к Н. В. Гоголю> <15 июля н. ст. 1847 г. Зальцбрунн> // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 10. С. 212.

[40] *В. Б.* <*Белинский В. Г.*> Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847 // Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. 3. С. 103 – 124.

[41] *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 10. С. 212. Выделение в оригинале. – *Е.С.*

[42] Там же.

[43] К-вет- Н. В. Гоголь // Пријеглед. 1902. № 5–6. С. 79.

[44] *Anon.* Николај Васиљевић Гоголь // Самоуправа. 1924. № 256. [С. 1].

Библиография

Анненкова Е. И. Гоголь и К. Аксаков // Пути русской прозы XIX века. Л.: [б. и.], 1976. С. 16–29.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. *М. М. Сокольской*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Виноградов И. А., Воропаев В. А. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской патриархии, 2009. Т. 12. С. 573–686.

Виноградская Н. Л., Гуревич П. Ю., Дмитриева Е. Е., Зайцева И. А., Манн Ю. В., Супронюк О. К., Шолохова А. С. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 23 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Наука, 2012. С. 297–843.

Виноградская Н. Л., Дмитриева Е. Е., Зайцева И. А., Манн Ю. В., Шолохова А. С. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 23 т. Т. 8. М.: Наука, 2020. С. 341–713.

Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997.

Гуминский В. М. Гоголевские обращения к Гомеру // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосибирский ИД, 2016. С. 18–27.

Кораблев В. Гоголь у сербов // Литературный вестник. 1902. Т. III. Кн. 4. С. 383–387.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994.

Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 82–100.

Кузовкина Т. Д. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту 3. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 276–293.

Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души»: Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1987.

Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект-пресс, 2004.

Михайлова А. Н. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 13. С. 447–536.

Надточий Е. Е. К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н. М. Карамзина // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2021. № 463. С. 42–45.

Прохорова И. Е. Смерть М. Ю. Лермонтова и русская журналистика // Медиаскоп. 2015. № 1. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/1686#52 (дата обращения 11.11.2022).

Радциг С. И. Гоголь и Гомер // Вестн. Моск. ун-та. Историко-филологическая серия. 1959. № 4. С. 121–138.

Рейтблат А. И. Некролог как биографический жанр // Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014. С. 195–202.

Сартаков Е. В. История первой постановки комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» на сербской сцене // Славяноведение. 2017. № 6. С. 12–20.

Шульц С. А. К вопросу о традициях гомеровской «Одиссеи» в «Мертвых душах» Гоголя // Вестн. Северо-Восточн. фед. ун-та имени М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2017. № 3. С. 52–56.

Вулетић В. Н. В. Гоголь и српска књижевна оријентација пре једного века // Зброник Матице српске за славистику. Нови Сад: Матица српска, 1976. Књ. 10. С. 30–65.

Notes

Aksakov K. S. (1981) Neskol'ko slov o poeme Gogolya: «Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi» [A few words about Gogol's poem "The Adventures of Chichikov, or Dead Souls"]. In K. S. Aksakov, I. S. Aksakov *Literaturnaya Kritika*. Moscow: Sovremennik Publ.

Aksakov I. S. (1988) *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to relatives. 1844–1849]. Moscow: Nauka Publ. P. 326.

Anon (1852) Gogol' [Gogol']. *Novine srbske* 33: 118.

Anon (1859) Tvrditsa [Stingy]. *Novine srbske* 22–24: 101, 105, 109.

Anon (1852) Nikola Vasileviћ» Gogol› [Nikolay Vasilevich Gogol']. *Novine srbske* 63: 233.

Anon (1847) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami Nikolaya Gogolya [Selected passages from correspondence with friends]. *Finskiy Vestnik* 2: 33.

Barsukov N. P. (1892) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina: V 22 kn. T. 6* [Life and works of M. P. Pogodin: In 22 books. Vol. 6:]. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. P. 98.

Belinskiy V. G. (1847) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami Nikolaya Gogolya [Selected passages from correspondence with friends]. *Sovremennik* 2: 103–124.

Belinskiy V. G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete works: In 13 volumes]. Moscow: AN SSSR Publ.

Gogol' N. V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t.* [Complete works: In 14 volumes]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ.

Masal'skiy K. P. (1842) Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolya... [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol']. *Syn Otechestva* 6: 2.

Senkovskiy O. I. (1842) Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolya... [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol']. *Biblioteka dlya chteniya* 8: 29.

Senkovskiy O. I. (1936) <Rukopisnaya redaktsiya stat'i o «Mertvykh dushakh»> [Handwritten version of the article about "Dead Souls"]. In *N. V. Gogol': Materialy i issledovaniya. T. 1* []. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ. P. 233.

Shevyrev S. P. (1893) Pis'ma k N. V. Gogolyu [Letters to N. V. Gogol]. *Otchet Imperatorskoy Publichnoy biblioteki za 1893 god*. St. Peterburg: Tipografiya V. S. Balasheva Publ. P. 12.

Shevyrev S. P. (1848) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami N. Gogolya [Selected passages from correspondence with friends]. *Moskvityanin* 1: 4.

References

Annenkova E. I. (1976) Gogol' i K. Aksakov [Gogol and K. Aksakov]. In *Puti russkoy prozy XIX veka* [Paths of 19th Century Russian Prose]. Leningrad. Pp. 16–29. (In Russian)

Assman Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russian)

Goncharov S. A. (1997) *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol's Works in a Religious and Mystical Context]. St. Petersburg: Gertsen RGPU Publ. (In Russian)

Guminskii V. M. (2016) Gogolevskie obrashcheniya k Gomeru [Gogol's Appeals to Homer] In *Tvorchestvo Gogolya i evropeĭskaya kul'tura. Pyatnadtsatye Gogolevskie chteniya*. [Gogol's Works and European Culture. Fifteenth Gogol Readings] Moscow; Novosibirsk: Novosibirskii Izd. Dom Publ. Pp. 18–27. (In Russian)

Kochetkova N. D. (1994) *Literatura russkogo sentimentalizma: Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya* [Literature of Russian Sentimentalism: Aesthetic and Artistic Strivings]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)

Korablev V. (1902) Gogol' u serbov [Gogol in Serbia]. *Literaturnyy vestnik* III (4): 383–387. (In Russian)

Koshelev V. A. (1976) «Mertvye dushi» N. V. Gogolya v traktovke rannikh slavyanofilov ["Dead Souls" by N. V. Gogol in the Interpretation of the Early Slavophiles]. *Russkaya literatura* 3: 82–100. (In Russian)

Kuzovkina T. D. (2004) Nekrolog Bulgarina Zhukovskomu [Obituary by Bulgarin to Zhukovsky] In *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus Publ. Pp. 276–293. (In Russian)

Mann Yu. V. (1987) *V poiskakh zhivoy dushi: «Mertvye dushi». Pisatel› – kritika – chitatel›* [In Search of a Living Soul: "Dead Souls". Writer – Criticism – Reader]. Moscow: Kniga Publ. (In Russian)

Mann Yu. V. (2004) *Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Works and Days: 1809–1845]. Moscow: Aspekt-Press Publ. (In Russian)

Mikhaylova A. N. (1937–1952) Kommentarii [Comments] In Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t. T. 13* [Complete works in 14 vol. Vol. 13]. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ. Pp. 447–536. (In Russian)

Nadtochiy E. E. (2021) K istorii stanovleniya zhanra nekrologa v russkoy literature: nekrologi N. M. Karamzina [On the History of the Formation of the Obituary Genre in Russian Literature: Obituaries by N. M. Karamzin]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta* 463: 42–45. (In Russian)

Prokhorova I. E. (2015) Smert' M. Yu. Lermontova i russkaya zhurnalistika [The Death of M. Yu. Lermontov and Russian Journalism]. *Mediascope* 1. Available at: http://www.mediascope.ru/1686#52 (accessed: 11.11.2022). (In Russian)

Radtsig S. I. (1959) Gogol' i Gomer [Gogol' and Homer]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriko-filologicheskaya seriya* 4: 121–138. (In Russian)

Reytblat A. I. (2014) Nekrolog kak biograficheskiy zhanr [Obituary as a Biographical Genre] In A. I. Reytblat *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Biography, Sociology, and Literary History Articles]. Moscow: NLO Publ. Pp. 195–202. (In Russian)

Sartakov E. V. (2017) Istoriya pervoy postanovki komedii N. V. Gogolya «Revizor» na serbskoy stsene [History of the First Production of N. V. Gogol›s Comedy «The Government Inspector» on the Serbian Stage]. *Slavyanovedenie* 6: 12–20. (In Russian)

Shul'ts S. A. (2017) K voprosu o traditsiyakh gomerovskoy «Odissei» v «Mertvykh dushakh» Gogolya [Towards the Traditions of Homer's "Odyssey" in Gogol's "Dead Souls"]. *Vestn. Severo-Vostochn. fed. un-ta im. M. K. Ammosova. Ser.: Eposovedenie* 3: 52–56. (In Russian)

Vinogradov I. A., Voropaev V. A. (2009) Kommentarii [Comments]. In *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 17 t. T. 12* [Complete works and letters: in 17 volumes. Vol. 12]. Moscow; Kiev: Moscow Patriarchate Publ. Pp. 573–686. (In Russian)

Vinogradskaya N. L., Gurevich P. Yu., Dmitrieva E. E., Zaytseva I. A. et al. (2012) Kommentarii [Comments]. In *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy:*

V 23 t. T. 7. Kn. 2 [Complete works: In 23 vol. Vol. 7. Book 2]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 297–843. (In Russian)

Vinogradskaya N. L., Dmitrieva E. E., Zaytseva I. A., Mann Yu. V. et al. (2020) Kommentarii [Comments] In *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: V 23 t. T. 8* [Complete works: In 23 vol. Vol. 8]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 341–713. (In Russian)

Vuletić V. (1976) N. V. Gogolj i srpska književna orijentacija pre jednog veka [N. V. Gogol and Serbian Literary Orientation a Century Ago] In *Zbronik Matice srpske za slavistiku. Novi Sad: Matica srpska. No 10* [Matica Srpska Journal of Slavic Studies. Novi Sad: Matica Srpska. 1976. No 10]. Pp. 30–65. (In Serbian)

Поступила в редакцию
20.11.2022